

***Софья Саломатина: История финансов и банков
в современных дискуссиях о Российской империи
Sofya Salomatina (Lomonosov Moscow State University, Russia):
Contemporary Discussions on Finance and Banking of the Russian Empire***

DOI: 10.31857/S086956872204015X, **EDN:** JAYCWZ

В двухтомнике «Россия. Самодержавие. Революция» опубликованы обширные подготовительные материалы для исторического труда, задуманного, но так и не созданного А. В. Островским. Фактически это подробные конспекты: выписки из источников и исследований, к которым иногда добавлены комментарии, позволяющие судить о рабочих гипотезах автора. Значительную их часть составляют биографические сведения о государственных и общественных деятелях конца XIX – н ачала XX в., их семейных и профессиональных связях. Об окончательном замысле по этим текстам можно судить только приблизительно, но, судя по собранному данным, Островский искал новое объяснение

политической борьбы в Российской империи, которое учитывало бы сложную систему межличностных отношений в широко понимаемой элите.

Конечно, анализируя публикацию незавершённой рукописи, имеет смысл оценивать не столько проделанную Островским работу, сколько возможности дальнейшего использования оставленных им набросков и наблюдений, в том числе связанных с историей финансов и банков императорской России. Но для этого в первую очередь необходимо понять, насколько непротиворечива авторская концепция, какова её аргументация, на чём она основана и с помощью каких методов формировалась.

Разобраться в этом помогает небольшой раздел «На повороте», посвящённый событиям и процессам 1890-х — начала 1900-х гг. (I, с. 162–172). Как утверждал в нём Островский, в 1890-е гг. сельское хозяйство Российской империи находилось в застое, тогда как промышленность переживала подъём. При этом средства на её развитие поступали из-за рубежа. Исследователь упоминал о перипетиях российских государственных заимствований в Европе: в 1880-е гг. империя потеряла кредит у германских Ротшильдов, «перевела долги» во Францию, после чего развернулась таможенная война с Германией и начал оформляться русско-французский союз. Затем, ближе к концу 1890-х гг., произошли «трения и разрыв» с французскими и английскими Ротшильдами. Фоном всех этих процессов являлось недовольство Ротшильдов ситуацией с правами евреев в России. С конца 1890-х гг. Петербург находился в кредитной блокаде, не имея возможности взять новый заём. Однако к 1897 г. внешний долг страны заметно вырос. Кроме того, мобилизации капиталов, по мнению Островского, способствовали винная монополия и золотой стандарт. Полученные средства шли на строительство Сибирской магистрали, поддержку поместного дворянства и покрытие дефицита государственного бюджета.

Исследователь указывал на то, что промышленный подъём 1890-х гг. обеспечивался в значительной степени за счёт иностранного капитала, доля которого обычно недооценивается, поскольку статистика не фиксировала родственные связи, подставных лиц и зарубежных предпринимателей, принявших российское подданство. Если же учесть эти факторы, то в 1890-е гг. империя подошла к черте, за которой открывалась перспектива полного подчинения её экономики влиянию иностранцев. Однако движение в данном направлении сдерживали «конкуренция со стороны отечественного капитала» и самодержавная власть, опиравшаяся на сильный государственный сектор.

Таким образом, по логике автора, по мере того, как росла зависимость России от западных инвесторов, усиливалась заинтересованность европейских финансистов в установлении здесь конституционной формы правления, которая позволила бы им контролировать правительственную политику. Их союзниками выступали отечественные предприниматели — инородцы (прежде всего евреи), старообрядцы и другие оппозиционные силы. С воздействием извне автор связывал экономический кризис конца 1890-х — начала 1900-х гг., снижение золотого содержания рубля и дефицитный бюджет.

По-видимому, Островский пытался показать роль иностранного капитала в политической жизни России. При этом он в значительной степени опирался на расчёты В.И. Бовыкина⁴³, составив на их основе таблицу «Иностранные

---

⁴³ Бовыкин В.И. Формирование финансового капитала в России: конец XIX в. — 1908 г. М., 1984. С. 157–180.

и отечественные капиталовложения в экономику России. 1893–1900 гг.» (I, с. 166). Правда, происхождение многих цифр, приведённых Александром Владимировичем не в таблице, а в тексте, установить не удалось, поэтому ссылаться на них рискованно. В работах Бовыкина, которые использовал Островский, учтён предшествующий опыт количественной оценки вложений иностранцев в российские ценные бумаги, а также капиталов иностранных акционерных обществ, действовавших в России. В них подробно объяснены источники используемых данных, методы расчёта и проверки показателей, которые в целом признаются сегодня не только в российской, но и в мировой историографии⁴⁴. Кроме того, Бовыкин на примере отдельных отраслей, фирм и компаний подвёл итоги изучения истории иностранного предпринимательства в России советскими и зарубежными исследователями 1960–1980-х гг.⁴⁵

Бовыкин считал, что роль иностранного капитала в развитии России была важной, но не решающей, оставаясь достаточно противоречивой. В то же время, по его мнению, чем слабее становилась архаичная политическая система, тем больше она нуждалась в финансовой поддержке извне. Однако инвесторы одной «национальности» никогда не образовывали единой группы, сплочённой общностью интересов. По сути, выводы Бовыкина⁴⁶ противоположны выводам Островского и вовсе не раскрывают политическую роль иностранцев. Островский же просто берёт цифры Бовыкина и приписывает к ним свои заключения, даже не поясняя, как он к ним пришёл. Никак не обосновывая свою позицию новыми сведениями или расчётами, он фактически ограничивается заявлением о том, что владение долговым обязательством или долей акционерной собственности предполагает претензии на власть, а наличие семейных, этнических и конфессиональных связей автоматически приводит к коллективным политическим действиям. В дальнейшем историк собирался «выявить связи между банками, промышленными, торговыми и транспортными компаниями и очертить контуры наиболее крупных группировок. Может быть, взять Дмитриева-Мамонова⁴⁷ и для начала с этой целью рассмотреть верхушку предприятий, в сумме дающих более 50% всего акционерного капитала» (I, с. 172).

Следует отметить, что Островский заметно искажает реалии изучаемой эпохи. О российских долгах в его конспектах постоянно говорится не как о ценных бумагах, находившихся за границей во владении многочисленных держателей, зачастую довольно скромного достатка⁴⁸, а как о государственных

---

⁴⁴ *Oosterlinck K.* Hope springs eternal: French bondholders and the repudiation of Russian sovereign debt. New Haven (Conn.); L., 2016. P. 1–6; *Ukhov A.* Financial innovation and Russian government debt before 1918 // Yale ICF Working Paper. 2003. № 03–20. P. 51.

⁴⁵ С тех пор опыт изучения темы, конечно, значительно обогатился, но Островский обращался только к двум монографиям: *Бовыкин В.И.* Формирование финансового капитала...; *Бовыкин В.И.* Россия накануне великих свершений...

⁴⁶ *Бовыкин В.И.* Формирование финансового капитала... С. 180–183; *Бовыкин В.И.* Россия накануне великих свершений... С. 57.

⁴⁷ Видимо, имелись в виду справочники: Указатель действующих в Империи акционерных предприятий. СПб., 1903; Указатель действующих в Империи акционерных предприятий и торговых домов / Под ред. В.А. Дмитриева-Мамонова. В 2 т. СПб., 1905. О методике работы с ними см.: *Бовыкин В.И.* Формирование финансового капитала... С. 170–180.

⁴⁸ О мелких держателях российских ценных бумаг за рубежом см.: *Oosterlinck K.* Op. cit. P. 4–5; *Siegel J.* For peace and money: French and British finance in the service of tsars and commissars. Oxford, 2014. P. 16–17.

заимствованиях, обязательства по которым сосредоточены в чьих-то одних руках. Отсюда возникает ложное представление, будто Россия должна Франции, Германии, Великобритании, а не многочисленным рантье. Такой долг, по мнению Островского, можно, например, «перевести» из Германии во Францию. На самом же деле следовало бы сказать, что царское правительство попыталось разместить новые выпуски российских ценных бумаг в основном на французском рынке. Но немецкие кредиторы и инвесторы, разумеется, никуда не делись, и доля германского рынка при размещении новых выпусков оставалась заметной в начале 1890-х гг.⁴⁹

Манипулируя цифрами, Островский, возможно, не всегда улавливал, что именно за ними стояло. К примеру, Б.В. Ананьич, на которого он ссылается, приводил в своей книге документ, выражавший негативное отношение Министерства финансов Франции в 1897 г. к размещению на парижской бирже новых выпусков российских ценных бумаг на 2 млрд франков, поскольку стоимость тех, что уже обращались там, приближалась тогда к 8 млрд. Эти 10 млрд франков соответствовали бы почти половине государственного долга республики, достигавшего в 1897 г. 22 млрд⁵⁰. Иными словами, указывалось на то, что российские бумаги отвлекают потенциальных покупателей от французских. Островский же описывает ситуацию так, будто «обслуживание государственного долга Франции почти на 35% зависело от исправного и своевременного платежа России» (I, с. 165). Однако непонятно, как связаны между собой два французских рантье, один из которых владел российской облигацией, а другой — французской, если первый из них получал купонный доход от петербургского правительства, а второй — от парижского (в принципе это могло быть и одно лицо).

Политическое влияние мелких рантье основано на их желании обеспечить безопасность своих сбережений и инвестиций. Почувствовав малейшую угрозу, они могли, поддавшись панике, начать массово продавать ценные бумаги, снижая их курс. Российское правительство в целом справилось с задачей «не обрушить рынок» за рубежом, несмотря на все перипетии внутренней и внешней политики самодержавия с конца 1890-х гг. до Первой мировой войны. Известный подкуп французской прессы ради благоприятного освещения ситуации в России преследовал именно эту цель. Конечно, растущие долги, военные поражения и беспорядки сокращали пространство для дипломатических манёвров, но империя оставалась надёжным заёмщиком, и в ней нуждались союзники⁵¹. В рассуждениях о политической роли иностранного капитала эти аспекты нужно как-то учитывать.

Не менее существенно искажались Островским функции банков и частных банкиров. Он видел в них «главных кредиторов России». В его конспектах Россия то «взяла первый заём у Ротшильдов», то «потеряла кредит у германских Ротшильдов» (I, с. 162–163). Но кредиторами являлись собственно

---

⁴⁹ Подробнее см.: *Ананьич Б.В., Лебедев С.К.* Международные банковские консорциумы для выпуска облигаций российских железнодорожных обществ до 1914 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. С. 434–460; *Лебедев С.К.* С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века: европейские и русские связи. М., 2003. С. 213–401.

⁵⁰ *Ананьич Б.В.* Россия и международный капитал. 1897–1914. Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970. С. 29.

⁵¹ *Oosterlinck K.* Op. cit. P. 1–14; *Siegel J.* Op. cit. P. 1–11.

держатели облигаций (а владельцы акций выступали инвесторами). Банки же были посредниками, «андеррайтерами», гарантировавшими размещение ценных бумаг, проводившими операции с ними и получавшими за это разные комиссионные доходы⁵². По сути, во всех случаях, когда в книге говорится о «кредиторах России», речь идёт именно о посредничестве по выводу новых облигаций на рынок. Для того, чтобы рантье захотели их приобретать, была очень важна надёжность и высокая деловая репутация андеррайтеров, возглавлявших группу посредников, проводивших конкретную эмиссию ценных бумаг. Её неудача (отсутствие спроса) или дефолт эмитента (правительства либо компании) подрывали доверие к следующим выпускам. В XIX в. андеррайтер при определённых условиях даже брал на себя ответственность за успех эмиссии.

Ротшильды выступали андеррайтерами на рынке государственных займов, т.е. их клиентами, чьи облигации они выводили на рынок, являлись правительства разных стран. Доля рынка, контролируемого Ротшильдами, была очень большой, что позволяло им влиять на ситуацию. В 1815–1837 гг. вместе с «Братьями Бэринг» они делили 50% лондонского рынка иностранных государственных облигаций, а в 1839–1859 гг. — 40%⁵³. В 1895–1914 гг. рыночная доля Ротшильдов сократилась, как и их влияние, но и на лондонском, и на парижском рынках они всё ещё входили в первую тройку андеррайтеров⁵⁴. Многие правительства по-прежнему пытались стать их клиентами. Однако, поскольку андеррайтер такого уровня брал на себя один из самых больших финансовых рисков, он был крайне избирателен в клиентах. Переговоры с ним шли сложно: он мог их отложить и даже прервать, если ему не нравилось состояние рынка или же у него возникали претензии к клиенту⁵⁵. В то же время в последней трети XIX в. окончательно оформилась техника размещения ценных бумаг на рынке через большие группы банков (синдикаты), что позволяло распределить риск между участниками, поэтому в конце столетия каждый из них при проведении эмиссии работал с ограниченным количеством облигаций⁵⁶. Так или иначе, России удавалось договариваться: не на одном рынке, так на другом, не в этом году, так в следующем, не через Ротшильдов, так через других посредников.

Говоря о поддержке Ротшильдами борьбы за права российских евреев, Островский почему-то пытается опереться на сочинения А.И. Солженицына и Л. Полякова, а также эмигрантские мемуары общественного деятеля Г.Б. Слиозберга и белого генерала Е.И. Балабина⁵⁷, хотя их суждения в лучшем

---

⁵² По образному выражению исследовательской группы М. Фландро, это были привратники у входа на рынок государственного долга (*Flandreau M., Flores J., Gaillard N., Nieto-Parra S. The End of Gatekeeping: Underwriters and the Quality of Sovereign Bond Markets, 1815–2007 // NBER Working Paper. № 15128. 2009. July*).

⁵³ *Flandreau M., Flores J.H. Bonds and Brands: Foundations of Sovereign Debt Markets, 1820–1830 // The Journal of Economic History. Vol. 69. 2009. № 3. P. 663.*

⁵⁴ *Flandreau M., Flores J., Gaillard N., Nieto-Parra S. Op. cit. P. 29.*

⁵⁵ Подробнее об этих перипетиях см.: *Ананьич Б.В. Россия и международный капитал...; Лебедев С.К. С.-Петербургский Международный коммерческий банк...; Siegel J. Op. cit.*

⁵⁶ *Chapman S. The rise of merchant banking. L.; Boston, 1984. P. 82–103.*

⁵⁷ *Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795–1995). Ч. 1. Изд. 2. М., 2009. С. 289–290; Поляков Л. История антисемитизма: эпоха знаний. М.; Иерусалим, 1998. С. 279; Слиозберг Г.Б. Дела минувших дней. Записки русского еврея. Т. 2. Париж, 1933. С. 7, 174; Балабин Е.И. Далёкое и близкое, старое и новое. М., 2009. С. 254.*

случае могут свидетельствовать о позднейшем восприятии роли Ротшильдов в обществе.

Между тем существует научная литература, посвящённая тому, что думали и делали Ротшильды, написанная на основе документов из их архивов, а также материалов дипломатических и финансовых ведомств разных стран Европы⁵⁸. В этих исследованиях отмечается, что Ротшильды открыто выражали недовольство антисемитизмом российских властей, но их решения в конечном счёте зависели от рынка и правительств тех стран, в которых они действовали. Никаких уступок, связанных с расширением прав евреев в России, им не делалось. В целом не стоит преувеличивать политическое влияние Ротшильдов в конце XIX в., оно было ограниченным даже в период расцвета их банкирских домов в 1830–1840-е гг., а с тех пор только уменьшалось, хотя их экспертные оценки, опиравшиеся на длительный успешный опыт, по-прежнему имели большой вес. С начала XX в. Ротшильды перестали работать с российскими облигациями, окончательно отдав этот рынок французским коммерческим банкам. Кстати, значительная часть иностранных заимствований Петербурга была сделана уже после этого.

Конечно, высокий статус Ротшильдов влиял на их взаимоотношения с еврейской диаспорой. Их дальние родственники, единоверцы и соплеменники, как правило, занимали более скромное положение в обществе и нуждались в покровительстве. Вести же дела Ротшильды предпочитали с равными себе, что хорошо видно на примере многонациональной и многоконфессиональной верхушки Лондонского Сити, где банковские синдикаты, возглавляемые Ротшильдами, не вписывались в узкое понятие еврейского капитала⁵⁹. Тем более не соответствовали они представлениям Островского об определяющем значении национальности и веры в бизнесе и в политике.

Также нет никаких оснований искать какую-либо политическую подоплёку у таких разнородных явлений, как экономический кризис конца 1890-х – начала 1900-х гг., снижение золотого содержания рубля или дефицит бюджета. В итоге, если иностранный капитал и играл некую политическую роль в Российской империи, то она так и осталась не раскрытой. Не было показано в книге и то, как в той или иной конкретной обстановке семейные, этнические и конфессиональные связи встраивались в систему принятия решений. Собранные для этого биографические данные в тексте словно бы «положили рядом», чтобы потом решить, как сделать их частью аргументации. Впрочем, не исключено, что увлекавшая автора идея вовсе не может быть обоснована источниками без корректировки исходной гипотезы.

И всё же публиковать такие черновики стоило. При изучении элит Российской империи ещё многое предстоит установить и продумать, поэтому даже проверка ложных подходов и ошибочных суждений может оказаться полезной для постановки задач и определения методов будущих исследований.

---

⁵⁸ *Gille B.* Histoire de la Maison Rothschild. Vol. I. Des origines a 1848. Geneva, 1965; Vol. II. 1848–1870. Geneva, 1967; *Girault R.* Emprunts russes et investissements français en Russie, 1887–1914: recherches sur l'investissement international. Paris, 1973; *Stiern F.* Gold and iron: Bismarck, Bleichröder, and the building of the German Empire. N.Y., 1979; *Ананьич Б.В.* Россия и международный капитал...; *Siegel J.* Op. cit.; *Фергюсон Н.* Дом Ротшильдов. Пророки денег. 1798–1848. М., 2019; *Фергюсон Н.* Дом Ротшильдов. Мировые банкиры. 1849–1999. М., 2019.

⁵⁹ *Chapman S.* Op. cit. P. 39–69, 82–103.